

**«ПОВЕРХ БАРЬЕРОВ»:
ИДЕИ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА И АВТОНОМИИ ПРАВА В УЧЕНИИ Л. С. ЯВИЧА
(В КОНТЕКСТЕ ТРАДИЦИИ ПЕТЕРБУРГСКОЙ ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВОЙ ШКОЛЫ)¹**

Елена Тимошина

Санкт-Петербургский государственный университет
ORCID: 0000-0002-2948-4825

Светлана Волкова

Санкт-Петербургский государственный университет
ORCID: 0000-0003-3434-6600

<https://doi.org/10.36169/2227-6068.2021.02.00004>

Аннотация. В статье предлагается интеллектуальная реконструкция значимых элементов традиции петербургской философско-правовой школы, присутствующих в теоретическом наследии советского и российского правоведа Л. С. Явича (1919 – 2004). Отмечается уникальность его опыта участия в этой традиции: с одной стороны, стесненные идеологические обстоятельства того времени диктовали ему необходимость критики своих предшественников по кафедре, с другой стороны, именно его работы парадоксальным образом прочертили линию преемственности от идей дореволюционного периода к современным. В правовом учении Л. С. Явича традиция как интеллектуальная реальность *sui generis*, прорываясь «поверх барьеров», оказывается сильнее идеологических запретов и методологических ограничений. Авторы выделяют основной корпус идей петербургской школы, выражающих в своей совокупности идею автономии права и представление о государстве как правовом явлении, и обнаруживают их в правовой теории Л. С. Явича скрытыми под мощным слоем диалектического материализма. Особое внимание уделяется осмыслению в его учении связи права и справедливости, понятия и социального смысла субъективных прав, а также феномена социалистического права в исторической эволюции права. Идеи Л. С. Явича рассматриваются как в контексте традиции петербургской философско-правовой школы, так и в сопоставлении с раннесоветской правовой доктриной и современными ему правовыми концепциями, в частности, с либертарной теорией права В. С. Нерсесянца.

Ключевые слова: советская теория права, петербургская школа философии права, справедливость, социальное право, право и государство, принуждение в праве, субъективное право

¹ Исследование С. В. Волковой проводится при поддержке РФФИ, проект № 19-011-00528 «Концепт справедливости в современной российской правовой системе».

Введение

Научное знание амбивалентно. С одной стороны, его безусловной ценностью является новизна, с другой стороны, новизна просматривается только на фоне определенной научной традиции, которой, как и любой традиции, присущи элементы интеллектуального конструирования. Можно сказать, что, с одной стороны, мы обнаруживаем себя в рамках определенной научной традиции, вне которой деятельность ученого едва ли возможна, а с другой – эту традицию создаем, в известном смысле мифологизируя историю научной школы, представляя ее как преемственное развитие определенных идей, которыми дорожим сейчас.

Традиция петербургской философско-правовой школы берет свое начало в работах профессоров Санкт-Петербургского императорского университета Н. М. Коркунова и Л. И. Петражицкого, получает развитие в работах Г. Д. Гурвича, П. А. Сорокина, Н. С. Тимашева, Г. К. Гинса, М. Я. Лазерсона (Antonov et al. 2014; Antonov 2016; Fittipaldi 2016b; Polyakov 2018a; Polyakov 2018b; Timoshina 2016; Timoshina 2018) и др., а центральной фигурой философско-правовой школы Ленинградского университета был профессор Лев Самойлович Явич (1919 – 2004). Его опыт участия в этой традиции уникален: с одной стороны, стесненные идеологические обстоятельства того времени диктовали ему необходимость критики своих предшественников по кафедре, и примеры такой критики мы можем найти в его работах (Yavich 1976: 72–73, 192), с другой стороны, именно его работы парадоксальным образом, несмотря на присутствующую в них критику, прочертили линию преемственности от идей дореволюционного периода к современным, например, получившим развитие в коммуникативной теории права профессора А. В. Полякова.

Связь правового учения Л. С. Явича с проблемами постсоветской теории права стала темой научной конференции, состоявшейся в 2009 г. в Санкт-Петербургском государственном университете и посвященной 90-летию со дня рождения ученого. Высказанное в ходе обсуждения предположение А. В. Полякова о том, что идеи Л. С. Явича «созвучны дореволюционной петербургской школе теории и философии права», и «профессор Явич ближе к Коркунову, Петражицкому, Сорокину, Гурвичу, чем может показаться на первый взгляд» (*Konceptsiya* 2009: 11), свидетельствует о том, что в традиции петербургской философско-правовой школы научное наследие Л. С. Явича может быть осмыслено как необходимое звено, обеспечивающее преемственность размышлений основоположников школы и теоретических идей ее современных представителей. Так, по мнению А. В. Полякова, некоторые идеи советского правоведа, в частности, подчеркивающие поведенческий аспект права, создали «хорошее основание для перехода к... коммуникативному правопониманию» (*Konceptsiya* 2009: 12). Отмеченные участниками конференции, в частности, Д. И. Луковской, актуальные моменты его теоретического наследия – идея о несовместимости права и произвола, тезис о недопустимости этизации права и произвольного, волюнтаристского законотворчества, концепция субъективных прав, в рамках которой они представляли юридическим феноменом независимо от их позитивизации, и др. (*Konceptsiya* 2009: 7), можно рассматривать в качестве

содержательных элементов концепции «господства права» (Yavich 1990) и правового государства.

Действительно, работы Л. С. Явича производят неожиданное впечатление: из-под мощного слоя диалектического материализма проступают узнаваемые идеи, входящие в корпус значимых положений петербургской школы философии права, — традиция как интеллектуальная реальность *sui generis*, прорываясь «поверх барьеров», оказывается сильнее идеологических запретов и методологических ограничений. Примечательно даже и то, что Л. С. Явич изложил свои теоретические идеи не в специальной монографии, а в предназначенном прежде всего для студентов учебнике «Общая теория права» (1976) — так, как это делали в свое время Н. М. Коркунов и Л. И. Петражицкий, и как впоследствии это сделал и А. В. Поляков, представивший коммуникативную теорию права в учебнике с тем же названием (Polyakov 2003). Конечно, эти издания мало походили на традиционные учебники по этой дисциплине. Как отмечали рецензенты книги Л. С. Явича, в сущности, она представляет собой «монографический курс лекций по общей теории права» (Alekseev et al. 1977: 117), и эту аттестацию можно в полной мере отнести ко всем упомянутым учебным изданиям.

Оставляя в стороне слишком очевидные методологические различия дореволюционных, советских и постсоветских концепций, можно выделить основной корпус идей петербургской школы, которые в своей совокупности выражают идею автономии права и представление о государстве как правовом явлении *par excellence*. Во-первых, это понимание права как явления, генетически и функционально первичного по отношению к государству и интерпретируемого в единстве ценностно-нормативного, социокультурного и социопсихического аспектов его бытия. Во-вторых, право рассматривается в его императивно-атрибутивной, предоставительно-обязывающей структуре, приоритет в которой принадлежит правомочию, субъективному праву — оно определяет содержание правовой обязанности, обуславливает генезис и функции государства, и позитивное (или так называемое объективное) право, является дифференцирующим признаком права (в отличие от морали). В-третьих, представителей школы объединяет представление о психическом характере принуждения в праве: основанием такого принуждения является не страх перед угрозой применения физического принуждения, а правомочие, с помощью которого управомоченный осуществляет регулирование поведения обязанного лица. В-четвертых, государство понимается как один из типов правовой организации социальных групп, организованный правом публичный порядок, генетически и функционально производный от правомочия, а публичная власть — как имеющая «социально-служебный» смысл по отношению к субъективным правам. В-пятых, теоретические усилия представителей школы направлены на поиск социального смысла субъективных прав. Наконец, в-шестых, представители школы исходят из позиции правового плюрализма большей или меньшей степени радикальности, рассматривая его как выражение «глубинной» онтологии социально-правовой жизни и допуская тем самым существование различных видов социального права (подробнее об этом см.: Timoshina 2013). Представленные положения образуют идейное «ядро» школы, которое, независимо от значимых различий в методологическом обосновании соответствующего круга идей, мы можем обнаружить

как в работах Л. И. Петражицкого и его ближайших учеников, так и у автора коммуникативной теории права А. В. Полякова (Polyakov 2003), восходящей, по собственному признанию ученого, «к психологической теории права... Л. Петражицкого» (Polyakov 2013: 22).

Эти идеи (за исключением разве что упомянутой в п. 6) сильно расходятся с основными положениями советской теории права – даже если судить об их содержании по курсу С. С. Алексеева «Общая теория права» 1981 – 1982 гг., опубликованному уже после состоявшейся на страницах «Советского государства и права» дискуссии о правопонимании, суть которой подытожил впоследствии В. С. Нерсисянц: поясняя ограниченность предлагаемых вариантов «широкого» подхода к праву, он отметил, что «"расширение"... "узких" мест сути дела не меняет» (Nersesyants 2005: 319). В работе С. С. Алексеева государство, хотя и изгнанное из ее названия, по-прежнему имеет «конститутивное... значение для самого бытия права», являясь той «непосредственной силой, при помощи которой оно (право. – *Авт.*) сформировалось и обрело... свойства» (Alekseev 1981: 58), «государственная власть... просачивается в самую плоть права» (Alekseev 1981: 169), субъективные права предстают как «проявления» объективного права (Alekseev 1981: 93), существующие за его границами «непосредственно-социальные притязания» не являются правом и составляют предмет изучения социологии (Alekseev 1981: 69–70), отстаивается «нераздельная» связь права и государственного принуждения как выражения «организованной силы», обеспечивающей «безусловное утверждение воли государства» (Alekseev 1981: 267), и др.

Именно этот круг идей, характеризующих «узконормативное волюнтаристское правопонимание», и критиковал Л. С. Явич – как в советский период, так и в эпоху «перестройки», – обозначая его основные «болевые точки», препятствующие реализации идеи правового государства: абсолютизация нормативно-принудительных свойств права, авторитарная (этатистская) трактовка его связи с государством (Yavich 1987: 39), понимание субъективного права как «придатка» объективного права (Yavich 1975: 134), являющееся следствием того, что «"первичной клеточкой" правовой действительности по-прежнему считаются юридические нормы, а не субъект права, не его правомочия и обязанности» (Yavich 1987: 43).

В таких обстоятельствах постановка вопроса о возможности обнаружения элементов соответствующей традиции в построенном на методологии диалектического материализма правовом учении Л. С. Явича отнюдь не кажется созданием интеллектуального мифа, наряду с уже существующими – например, о единой для имперской, советской и современной России традиции правового нигилизма (Chetvernin 2003: 142). Интеллектуальная реконструкция в теоретическом наследии Л. С. Явича значимых аспектов традиции петербургской философско-правовой школы, выражающих идею «господства права» (Yavich 1990), и составляет предмет настоящей статьи. Вместе с тем эти аспекты соединялись в его правовом учении с некоторыми идеями, восходящими к московской философско-правовой школе, в частности, к концепциям Б. Н. Чичерина и В. С. Соловьева, рассматривающим право во взаимосвязи свободы, равенства и справедливости, что впоследствии

получило новое обоснование в либертарной теории права В. С. Нерсисянца. Такое совмещение (условно) реалистических и априорно-рациональных идей также можно считать своеобразным элементом традиции петербургской философско-правовой школы – его можно обнаружить и в психологической теории Л. И. Петражицкого, и в идеал-реалистической концепции Г. Д. Гурвича, и в современной коммуникативной теории права А. В. Полякова (Polyakov 2020).

Антиволютаристская природа права и проблема справедливости права

Советская теория права, как известно, интерпретировала право волюнтаристски – как волю политически господствующего класса (Antonov 2021: 33). Л. С. Явич стремился обнаружить неволютаристскую, «объективную» природу права, обосновать его несводимость к выражению чьей-либо воли, даже если это воля правящего класса. Он подчеркивал, что право не есть результат произвольного творчества законодателей, политиков и юристов (Yavich 1976: 36). Конечно, основания объективности права он искал не в категорическом императиве И. Канта или в каких-либо иных понятиях так называемой тогда «идеалистической» философии. Право представляет собой объективно – экономически прежде всего – детерминированную социальную реальность, отменить которую невозможно даже тем, кто осуществляет государственную власть (Yavich 1985: 14). Право – социальный феномен, который вырастает из экономической структуры общества, оно не сводимо к закону и противостоит произволу (Yavich 1976: 109).

Л. С. Явич исходит из идеи автономии права, полагая, что у права есть собственная структура, отличная от структуры государства и политической надстройки в целом (Yavich 1976: 56). Вне этой структуры «никакое соответствие его (права. – *Авт.*) экономике, политике и нравственности, никакая защита со стороны государства не могли бы обеспечить его специфическую нормативность, общезначимость и общеобязательность» (Yavich 1976: 98). Однако вопрос о том, что же, собственно, составляет эту внутреннюю структуру права, остался в его работах не проясненным. Возможно, он усматривал ее в диалектике объективного и субъективного права, и в особенности – в природе субъективного права, коррелятивно связанного с правовой обязанностью (см. далее), или в многослойной сущности права – экономической, социальной, этической. Вместе с тем, он подчеркивает, что только идея автономии права способна оправдать существование юриспруденции, в противном случае, «не будь у права особых свойств и закономерностей, не было бы практической необходимости в юридической науке и в юридическом образовании» (Yavich 1976: 56).

Признание неволютаристской природы права позволяет Л. С. Явичу провести различия между правом и законом как актом, «подчас оказывающимся произволом и случайностью» (Yavich 1985: 83). Он убежден в том, что «акт государства, санкционирующий произвол или выражающий случайное стечение обстоятельств, правом стать не может» (Yavich 1985: 83). Отмечая необходимость соответствия закона сущности права первого порядка – экономическому способу производства, Л. С. Явич предьявляет к закону и требование его соответствия сущности права

второго порядка, в качестве которой выступает «относительно равный и справедливый масштаб свободы». Соответственно «юридический закон, лишенный такого масштаба, оказывается не правом, а произволом власти» (Yavich 1985: 85). Несправедливые законы, как и несправедливые судебные акты представляют собой «аномалии», «не воспринимаются в качестве права», что доказывает существование глубинной связи права и справедливости (Yavich 1985: 36–37). Право, заявляет ученый, «по самому своему существу нельзя оторвать от представлений... о справедливости» (Yavich 1976).

Указание на глубинную связь справедливости и права – не социалистического, а права как такового, было существенной новеллой в советской теории права. Размышления советских юристов 1970 – 80-х годов о природе справедливости немногим отличались от позиции раннесоветской правовой доктрины, представители которой заявляли о том, что «*вечное* понятие права нами похоронено», а вместе с ним погибли и «вечные и расплывчатые буржуазные понятия общечеловеческой правды и справедливости, заменяемые у нас чисто классовыми понятиями» (Stuchka 1934: 22). Справедливость, таким образом, приобретала классовый характер, различающийся в зависимости от типа общественно-экономической формации. В условиях социализма она рассматривалась прежде всего как справедливость в распределении экономических благ, как социальная справедливость: «Задача борьбы за право всех на хлеб и за право справедливого распределения, – писал В.И. Ленин, – задача великая. В умении равномерно распределять лежат основы социализма, который мы творим» (цит. по: Mal'tsev 1977: 79). Подводя пятилетние итоги пролетарской революции, А. Я. Вышинский заявлял:

... мы переходим от принципа уравнительного распределения к принципу *классового распределения*, который «является выражением высшей справедливости, ибо справедливым оказывается накормить того, кто поставлен в худшие условия и кто требует во имя государственного строительства наибольшей заботы о себе со стороны государства. (Vyshinsky 1922: 5)

И впоследствии справедливость социалистического права связывалась прежде всего со способом распределения благ при социализме, ликвидацией эксплуатации человека человеком и достигнутой вследствие этого гармонизацией интересов личности и коллектива, социальной однородности общества (Mal'tsev 1977: 8; Ekimov 1980: 37, 47), т.е., в качестве социальной справедливости, она носила классовый, антиэксплуататорский, характер, и в этом смысле все еще имела, в отличие от справедливости в будущем коммунистическом обществе, «социально-классовую ограниченность» (Ekimov 1980: 49). Социальная справедливость и капиталистический способ производства рассматривались как взаимоисключающие понятия, поэтому с ликвидацией частной собственности на средства производства полагались устраненными сами основы социальной несправедливости (Grinberg 1977: 151). Такой ракурс обсуждения зачастую имел своим следствием увязывание достоинства человека, которому гуманистический социалистический строй вернул идею социальной справедливости, со степенью его личного участия в производительном труде (Mal'tsev 1977: 8), хотя в литературе того времени можно встретить и идею о

том, что минимум благ «необходим каждому, исходя из родовой принадлежности его к человеческой общности, к человечеству» (Grinberg 1977: 149).

Исходя из классового, исторически относительного характера справедливости, советские юристы разоблачали попытки приписать праву «вечное и неизменное» свойство справедливости как буржуазные, т.е. увековечивающие стандарты справедливости, свойственные исключительно капиталистическому обществу (Grinberg 1977: 140). Здесь, видимо, они также ориентировались на ленинскую оценку такого рода представлений как «мелкобуржуазных предрассудков» вчерашней капиталистической эпохи, в соответствии с которыми справедливыми считались исключительно свобода и равенство товаровладельца, в то время как социалистическая справедливость «подчинена интересам свержения капитала» (цит. по: Mal'tsev 1977: 7). Советские юристы приходили к выводу о том, что «абсолютизация формально-логической структуры справедливости» в виде увязывания ее с формальным равенством и свободой есть «одна из форм увековечивания и... апологетики буржуазной действительности» (Grinberg 1977: 140). По их мнению, придание справедливости характера юридической категории имеет классовый смысл, который они усматривали в том, что в рамках такого подхода выраженная в праве воля господствующего класса эксплуататоров перестает быть объектом моральной оценки и превращается в саму справедливость, выдаваемую за имманентную справедливость буржуазного права (Grinberg 1977: 35). Возможно, и поэтому в советской правовой доктрине справедливость чаще всего рассматривалась как категория морали и нравственности, обнаруживающая себя в различных сферах – политике, экономике и, в том числе, и в праве (Екимов 1980: 49).

Постановка Л. С. Явичем вопроса о связи права и справедливости была принципиально иной. Ученый разводит два смысла понятия справедливости, различая социальную справедливость и справедливость собственно правовую. В качестве социальной справедливость является внешней по отношению к праву сущностью, и в ее трактовке Л. С. Явич разделяет положения советской доктрины о ее классовом характере и наступлении эры высшей справедливости в будущем коммунистическом обществе. Правовую справедливость ученый рассматривает как «специально-юридический принцип права, выражающий некоторые свойства, стороны самой юридической формы» (Yavich 1976: 158), связывая его с формальным равенством и свободой и трактуя его как принцип с исторически изменяющимся содержанием, которое определяется «объективными потребностями общественного прогресса, характером производственных отношений и социальной природой человека» (Yavich 1985: 13). В этом втором аспекте справедливость выражает социальную сущность (природу) права как равного и справедливого в данных исторических условиях масштаба свободы. Такая трактовка связи права и справедливости, с одной стороны, сближается с понятием права в либертарной теории В. С. Нерсисянца (Nersesyants 1983), а с другой – имеет корреляции с учением Л. И. Петражицкого о видах права, которое мы рассмотрим далее в связи с идеей Л. С. Явича об общесоциальном праве.

Вместе с тем предложенное Л. С. Явичем понятие права в его связи со справедливостью отличалось от понятия права в либертарной теории в том

отношении, что правовая справедливость рассматривалась ленинградским правоведом как «этико-правовая категория (курсив наш – Авт.)», выражающая связь права с нравственностью: по его мнению, «специфика права... такова, что оно, оставаясь правом, не может быть очищено от морали, отделено от нравственности» (Yavich 1976: 71), и потому без справедливости «право... теряет свое нравственное основание» (Yavich 1976: 158). Либертарная же теория, как известно, исходит из того, что справедливость является исключительно правовой категорией, и право для своей действительности не нуждается в каком-либо моральном обосновании (Nersesyants 2005: 83–84).

Л. С. Явич предлагает определение понятия права, объединяющее сущности права первого и второго порядков:

... сущностью права является сфера свободы, получившая основание в исторически определенных формах собственности. (Yavich 1985: 87)

В работе 1990 г. он дополняет это определение естественно-правовым критерием этического минимума, составляющим еще один аспект сущности права:

Право предполагает какой-то минимум нравственности, исторически необходимый, относительно равный и справедливый масштаб свободы. Нормативная система, лишенная этих свойств, не будет правом – никакое государственно-принудительное, официальное признание не в состоянии превратить подобную систему правил поведения в то, что люди понимают под правом. (Yavich 1990: 16)

Однако и в его работах советского периода можно встретить мысль о том, что право, как обусловленный производственными отношениями исторически возможный масштаб свободы, не находится «за гранью добра и зла», но необходимым образом включает в себя «минимум нравственного содержания», вне которого «правовое регулирование общественных отношений нельзя себе представить», а не учитывающие этот минимум законы «оказываются на грани антиправа или вообще за рамками права как такового» (Yavich 1985: 40). Идея Л. С. Явича о минимуме нравственного содержания права коррелирует как с концепцией этического минимума В. С. Соловьева, на основе которой развивалась школа возрожденного естественного права в России, так и с проектом правовой политики Л. И. Петражицкого – проектом этического совершенствования посредством права.

Идея общесоциального права

Л. С. Явич неоднократно подчеркивал «многогранность» права, допуская возможность «нелегистского бытия правовой реальности» (Yavich 1985: 13). Одной из таких «граней» является его существование «за рамками официально признанных и защищаемых государством отношений», при этом оно не перестает быть «собственно правом» (Yavich 1985: 13). Право как равный и справедливый масштаб свободы существует «до и помимо (его) официального признания» – в качестве «общесоциального права» (Yavich 1985: 34–35). Л. С. Явич убежден в том, что общесоциальное право «до законодательного воплощения существует не только в

общественном сознании... и социальных притязаниях, в фактически сложившихся нормах, но может существовать, существовало и существует также в качестве вполне реальных правоотношений (прежде всего отношений собственности), которые при известных условиях возникают до того, как получают санкцию со стороны государственной власти» (Yavich 1985: 34). Вместе с тем благодаря государству социальное право приобретает свойства «общеобязательности, формально-нормативной определенности и организованной защиты», а позитивированное таким образом право включает в себя главное качество общесоциального права – оно является «масштабом свободы» (Yavich 1985: 34–35). Суждение Л.С. Явича о том, что «право, не завершённое законом, и закон, не содержащий права, представляют собой аномалии», даёт основания для вывода о том, что позитивное и общесоциальное право выступают двумя «гранями» единого феномена права, поэтому попытки вывести общесоциальное право за рамки предмета юридической науки он рассматривает как «совершенно неосновательные» (Yavich 1985: 34–35).

В диалектике общесоциального и государственно-организованного (юридического) права Л. С. Явич обнаруживает определенные закономерности. Первая из них состоит в том, что «каждый раз, когда общественное развитие... порождает общесоциальное право (объективно требуемый, относительно равный и справедливый масштаб свободы или первичные правоотношения), оно раньше или позже оказывается официально признанным государственной властью» (Yavich 1985: 79). Вторая – заключается в том, что такая юридизация общесоциального права в перспективе приводит к «отчуждению права от человека» и постепенному нарастанию конфликта между юридическим правом и непрерывно развивающимся общесоциальным правом, выражающим исторически изменчивый справедливый масштаб свободы (Yavich 1985: 79). Наконец, третья тенденция – «возвращение права к человеку» – связана «с глубочайшим революционным переворотом к общественным отношениям и достигается в той мере, в какой усиливается общесоциальный элемент в законодательстве и правосудии, в какой юридическое право превращается в неюридическое» (Yavich 1985: 79). Это процесс, подчеркивает Л. С. Явич, часто происходит стихийно или путем реформ, однако «во многих случаях он связан... с революционной сменой господствующего типа производственных отношений, с появлением нового исторического типа государства и права» (Yavich 1985: 80). В результате революционной смены общественного строя «юридическое право приходит в соответствие с порожденными глубинными процессами в области производительных сил и общественного разделения труда общесоциальным правом» (Yavich 1985: 80).

Выявленные Л. С. Явичем закономерности, не исключая и закономерность революционной смены капиталистического правопорядка социалистическим, не являются новеллой в круге идей петербургской философско-правовой школы и описывались сходным образом Л. И. Петражицким в терминах конфликта между позитивным и интуитивным правом – понятия, обозначающего присутствующие в социальном сознании «современного культурного общества» или «общественного класса» представления о справедливом, а следовательно, о должном и нормативном. В эмоциях справедливости, отмечал Л. И. Петражицкий, «мы имеем дело с

суждениями не о том, что полагается по законам, а о том, что кому по “совести”, по нашим самостоятельным, независимым от внешних авторитетов убеждениям причитается, должно быть предоставлено» (Petrażycki 2000: 404). Согласие позитивного права с интуитивным петербургский ученый рассматривал в качестве необходимой основы правопорядка. Несоответствие позитивного права интуитивно-правовым требованиям справедливости может принимать форму конфликта (классового, эволюционного и др.), развитие которого приводит к социальной революции. Исходя из этого, ученый полагал, что «фактической основой... социального “правопорядка” и действительным рычагом... социально-правовой жизни является в существе дела не позитивное, а интуитивное право» (Petrażycki 2000: 388). Л. И. Петражицкий рассматривает движение общества к революции как объективную тенденцию социального развития, определяемую имманентными свойствами непрерывно развивающегося интуитивного права и зафиксированного в своем содержании позитивного права, что обуславливает их конфликтность. Соответственно революция интерпретируется ученым как закономерный этап в социокультурной эволюции права и фактор этического прогресса, позволяющий совершенствовать позитивное право. Таким образом, понятие интуитивного права, или справедливости, как и понятие общесоциального права у Л. С. Явича, выполняет функцию теоретического объяснения эволюционной неизбежности революции и в особенности социалистической революции.

Государство как правовое явление

Из размышлений Л. С. Явича о сущности права следовало не каноническое для своего времени понимание им соотношения права и государства – он отказывается понимать право как функцию государства.

Нет оснований... для того, чтобы право трактовать как придаток государства, не имеющий ни собственной сущности, ни специфической социальной ценности. (Yavich 1976: 56)

Л. С. Явич называет тоталитаристскими концепции, которые сводят право к малозначительному орудию государственной власти (Yavich 1976: 47), и критически относится к распространенной в советской юриспруденции «односторонней интерпретации», раскрывающей исключительно зависимость права от государства и сводящей право лишь «к одному (и не главному!) из средств обеспечения государственного управления» (Yavich 1985: 15).

Один из его тезисов звучит радикально для своего времени:

У автора этой работы нет уверенности в том, что право можно интерпретировать в качестве одного из признаков государства, но есть достаточные основания утверждать, что *любой из признаков государства предполагает существование права* (курсив наш. – Авт.). (Yavich 1976: 41)

Однако мысль о генетической первичности права по отношению к государству не получила развития, и в попытке занять среднюю, умиротворяющую позицию, Л. С. Явич как будто бы вообще отказывается от решения этого вопроса:

...Истории и современности известны периоды, когда сила государственной власти подавляла и подавляет объективно обусловленный правопорядок, но... такое положение противоречит закономерности взаимодействия права и государства. Не отражают этой закономерности также идеи... превосходства права над государством, сведения его (государства) к правопорядку, поглощения государственной власти юридической формой. (Yavich 1976: 47)

В чем именно состоит эта закономерность? – от прямого ответа на этот вопрос он уклонился, сославшись на то, что историческому материализму не соответствуют любые идеи обоснования приоритета государства над правом или приоритета права над государством, как и отождествляющие право и государство, считающие государство «чистым» порождением правопорядка (Г. Кельзен) (Yavich 1976: 57, 47).

Однако, уйдя от прямого ответа на вопрос о соотношении права и государства в разделе работы, специально посвященном этой теме, Л. С. Явич возвращается к этой проблематике при обсуждении вопроса о генезисе и природе субъективного права, объясняя таким образом – через происхождение и природу правомочия – генезис и социальное предназначение государства. Подобно тому как Л. И. Петражицкий дедуцировал понятие государства из понятия правомочия и указывал на «социально-служебную» миссию государственной власти «по отношению к правам граждан и праву вообще» (Petrażycki 2000: 181), Л. С. Явич также полагает, что «исторически и логически правогенез происходит до завершающей своей стадии независимо от государства» и усматривает социальное предназначение государства в официальном признании и защите субъективных прав как «исторически возможного масштаба свободы» (Yavich 1985: 97, 10). Таким образом, в советском правовом учении Л. С. Явича мы находим традиционную идею петербургской философско-правовой школы о государстве как правовом явлении. Как напишет Л. С. Явич в своей последней статье «О философии права на XXI век» (2000), правовое государство «в наибольшей степени соответствует правовой природе государства» – в том смысле, что «генезис (государства) связан с появлением права и необходимостью его охраны» (Yavich 2000: 8).

После 1985 г. Л. С. Явич оценивает собственные ранее предпринимавшиеся им попытки обосновать с марксистско-ленинских позиций идею правового государства как «робкие» и «академичные», рассчитанные «на отдаленную практическую перспективу» (Yavich 1988: 22–23). Изменение политической ситуации в стране «поставило реализацию идеи правового государства на реальную почву» (Yavich 1988: 23), и Л. С. Явич обращается к проблематике правового государства в серии статей, опубликованных в журнале «Правоведение» в 1987 – 1990 гг. Правовое государство рассматривается ученым как временное, до отмирания государства при коммунизме, средство «приручения Левиафана» – государства, которое, являясь продуктом деятельности людей, стало «господствовать над человеком, его неотъемлемыми правами и свободами» (Yavich 1988: 25).

Как и Л. И. Петражицкий, считавший правовое и, как будет показано далее, социалистическое государство закономерным этапом в социокультурной эволюции права, Л. С. Явич также полагает, что «приоритет права над государством закономерен, историко-генетически обоснован: экономические и социальные

отношения порождают право, последнее требует организованной... защиты со стороны государства, которое... выражает право в законодательстве и охраняет посредством суда» (Yavich 1990: 15). Возможность практической реализации идеала правового государства ученый связывает, во-первых, с отказом от представления о том, что «политическая власть дарует права и свободы гражданам» (Yavich 1988: 24), во-вторых, с необходимостью «коренной переориентации» теории права в трактовке соотношения права и государства:

Только отвергнув этатистское понимание права и абсолютизацию государственной силы, можно всерьез заняться созданием правового социалистического государства. Какой смысл стремиться к правовому государству, если единственным критерием права считать его же собственный закон, гарантированный организованным принуждением? (Yavich 1988: 27–28)

Только будучи правовым, государство приобретает свое сущностное качество – быть «политико-правовым союзом граждан» (Yavich 1990: 15). Данный тезис вновь обращает нас к идее Л. И. Петражицкого о том, что «служебный» по отношению к правам индивида характер государственной власти необходимо входит в ее понятие, является ее существенным и необходимым признаком, позволяющим отличить ее от «воли» или «силы» разбойничьей шайки (Petrażycki 2000: 577–578).

Субъективное право и проблема принуждения в праве

Как уже отмечалось, Л. С. Явич отстаивал взгляд на право как на диалектическую взаимосвязь объективного и субъективного права и отказывался видеть в праве исключительно совокупность волюнтаристски установленных норм. Объективное и субъективное право – коррелятивные проявления сущности права, однако субъективное право генетически первично по отношению к праву объективному. В рассуждениях ученого было акцентировано именно значение субъективного права как выражающего специфику правового регулирования по сравнению с моралью, которая возлагает исключительно обязанности без корреспондирующих им субъективных прав. В трактовке Л. С. Явичем субъективного права можно выделить несколько существенных моментов, традиционных для петербургской философско-правовой школы.

Во-первых, это корреляция прав и обязанностей, корреспондирующая предоставительно-обязывающему характеру нормы. Л. С. Явич подчеркивает, что специфическая черта субъективного права, имеющего своим коррелятом юридическую обязанность, была подмечена Л. И. Петражицким (Yavich 1976: 192). Критикуя существующие представления о том, что субъективное право может существовать без корреспондирующей ему правовой обязанности, Л. С. Явич недоумевает, что же это за мера дозволенного поведения, если нет субъектов, обязанных с ней считаться? (Yavich 1976: 198)

Во-вторых, это тезис о персонифицированной нормативности субъективного права. Нормативность, подчеркивает Л. С. Явич, – свойство любого права, не только объективного, но и субъективного, однако в последнем случае это «нормативность

особого свойства» (Yavich 1976: 94). Л. С. Явич связывает нормативность права не с персонифицированностью правила, а с его предоставительно-обязывающим характером, и полагает, что, если в объективном праве «содержатся» общие нормы, то субъективное право – это «индивидуализированная норма возможного поведения, предполагающая право управомоченного требовать исполнения обязанности» (Yavich 1976: 94), допуская тем самым существование индивидуальных норм, персонифицированной нормативности. Вместе с тем, субъективное право, подобно объективному, не только персонифицированная, но и общезначимая и общеобязательная мера поведения. Общеобязательность субъективного права заключается в юридической обязанности каждого воздерживаться от нарушения меры возможного поведения конкретного управомоченного лица и обязанности последнего считаться с рамками предоставленного права (Yavich 1976: 94). Таким образом, делает вывод Л. С. Явич, «объективное и субъективное право *в одинаковой степени* нормативны (курсив наш. – Авт.)»: объективное право, обладая «достоинством всеобщности», и субъективное право, обладая «достоинством персонализации», дополняют друг друга, обеспечивая «эффективность правового опосредования общественных отношений» (Yavich 1985: 91).

В-третьих, правомочие рассматривается как основание психологического принуждения. Л. С. Явич обращает внимание на регулирующую функцию субъективного права, на то, что субъективное право – это не просто придаток закона, побочный продукт объективного права (Yavich 1976: 186). Управомоченный способен регулировать поведение обязанного лица, осуществляет по отношению к нему власть, властвует над его поведением. Субъективное право, являющееся персонифицированным правом требования обязанного поведения, рассматривается им конституирующий фактор выполнения юридических обязанностей. Эта тонкость правового регулирования, полагает Л. С. Явич, часто ускользает от внимания ученых, но она весьма существенна, и без нее трудно понять сущность права (Yavich 1976: 81–82).

В данном случае он ставит вопрос о видах и основаниях принуждения в праве, и поясняет, что управомоченный субъект осуществляет психологическое принуждение в отношении обязанных лиц: само существование управомоченного субъекта, принадлежащего ему правомочия, коррелятивно связанного с обязанностью, оказывает психологически принудительное воздействие (мотивационное давление – в терминологии Л. И. Петражицкого) на поведение субъектов обязанностей. Подобно тому как Л. И. Петражицкий не считал возможным вслед за теориями принуждения антропологизировать право и видеть в нем «вездесущего субъекта, который... разнимает дерущихся, ловит и наказывает преступников и т. п.» (Petrażycki 2010b, 354), Л. С. Явич также подчеркивает, что правопорядок не может опираться только на физическое принуждение – «государство не в состоянии поставить надсмотрщика около каждого обязанного лица». Праву свойствен «весьма тонкий механизм регулирования», когда «обладающий правом субъект лично заинтересован в исполнении юридической обязанности другой стороной, в ее правомерном поведении» (Yavich 1985: 156).

Через категорию субъективного права Л. С. Явич показывает роль человека в правовом регулировании: правопорядок не является объектом или результатом одностороннего государственного воздействия, но является результатом деятельности всех субъектов правопорядка:

...В диалектическом единстве объективного и субъективного права отражается... способность юридического воздействия не просто опираться на государственное принуждение и обязательные приказы власти, но и подключать к обеспечению правопорядка всех управомоченных лиц, поскольку использование ими своих субъективных прав всегда зависит от соответствующего исполнения юридических обязанностей (другими лицами и ими самими). (Yavich 1976: 81)

Вне деятельности субъектов права как носителей прав и обязанностей «нет и не может быть реальной правовой действительности» (Yavich 1976: 160). Если объективное право, пишет Л. С. Явич, «не может быть воплощено в правах субъектов общественных отношений, то никакое государственное принуждение не в состоянии добиться нормального регулирования общественных отношений при помощи закона» (Yavich 1976: 98).

В-четвертых, это признание в качестве необходимого свойства права его действительности, выражающейся в реализации субъективных прав и обязанностей субъектов правоотношений. Право, по убеждению Л. С. Явича, не может объясняться только как «модель или проект поведения людей, как область чистого должностования». Правовые нормы, поясняет он, мертвы, безжизненны, не являются действующим правом, если не могут быть осуществлены в фактическом поведении людей (Yavich 1976: 24). «Остающиеся на бумаге нормы законодательства, противоречащие объективно сложившимся отношениям», — еще один приводимый им пример «аномалии» (Yavich 1985: 103). И даже самый лучший закон имеет ничтожную социальную ценность, если он не может найти своей реализации в общественных отношениях (Yavich 1976: 84).

Л. С. Явич поясняет диалектику объективного и субъективного права, подчеркивая при этом, что «ни субъективное право, ни субъект права в исторически-генетическом плане не порождены объективным правом» (Yavich 1985: 67). *С одной стороны*, субъективное право имеет нормативные основания. Он поясняет, что только закрепление прав субъектов в общих юридических нормах означает полное оформление субъективного права. *С другой стороны*, он задается вопросом, можно ли абсолютизировать общие нормы, если известно, что 1) они нередко являются в генетическом плане результатом обобщения уже состоявшихся персонифицированных решений, зафиксировавших наличное право субъекта, 2) в функциональном аспекте ни одна общая норма права не может стать юридическим регулятором поведения, не воплотившись в субъективном праве (соответствующих юридических обязанностях) (Yavich 1976: 76). Таким образом, именно с помощью субъективного права обеспечивается действительность объективного права. Невозможно достичь целей правового регулирования вне «воплощения» общих юридических норм в субъективное право и корреспондирующие ему юридические обязанности. Л. С. Явич рассматривает это как объективную закономерность правового

регулирования. «Объективное право без субъективного права не срабатывает» (Yavich 1976: 81). Сведение права только к системе юридических норм является лишь следствием их абсолютизации, не отражающей их диалектического единства с системой прав субъектов (Yavich 1976: 81).

Уже на исходе советского времени Л. С. Явич связывает перспективы реализации идей господства права и правового государства не в последнюю очередь с доктринальной разработкой понятия субъективного права. Препятствием на этом пути является, по его мнению, продолжающий господствовать узко-нормативный подход к праву, не учитывающий социальную природу субъективного права: «Слабость социально-философского осмысления категории субъективного права приводит к тому, что... источником прав граждан считается воля законодателя (Yavich 1987: 43), что трудно совместимо с идеей правового государства.

В поисках социального идеала: социальная природа субъективных прав

Можно было бы сказать, что советский правовед Л. С. Явич, полагая справедливость имманентной праву, пошел по отвергнутому советской правовой доктриной «буржуазному» пути, если бы не одно обстоятельство – понятие справедливости сопрягалось в его учении с поиском социального смысла субъективных прав, путем предоставления которых во взаимосвязи с корреспондирующими ими обязанностями происходят процессы экономического обмена и распределения благ, в чем выражается, как отмечал еще Л. И. Петражицкий, распределяющая функция права.

Право в субъективном смысле рассматривается Л. С. Явичем как одно из социальных качеств личности: «в соответствующем аспекте право свойственно личности как необходимый для нее масштаб свободы» (Yavich 1985: 56). При этом Л. С. Явич настаивал на неволюнтаристской, объективно обусловленной природе субъективного права, связывая его объективность, конечно, не с эссенциальной природой человека, но прежде всего с экономическим базисом, с производственными отношениями. Содержание субъективного права во всяком случае не может определяться произволом власти:

Государственная власть... не может только по произволу властвующих одарять правами и свободами... как и не должна своевольно лишать граждан их жизненно важных прав. (Yavich 1976: 82)

Более того, полагает Л. С. Явич, «узурпируя социально диктуемые права личности, присваивая себе несуществующее право “одаривать” людей правами, государственная власть ставит весь существующий политический строй на грань катастрофы» (Yavich 1985: 62). Государство может только осуществлять «официальное признание масштаба свободы», однако «сама эта свобода и ее рамки даны отнюдь не властью» (Yavich 1985: 62). Вместе с тем субъективное право точно так же не может определяться и произволом индивида, и в этом смысле далеко не каждый интерес индивида трансформируется в субъективное право.

Говоря о том, что содержание субъективного права не может определяться волюнтаристски, Л. С. Явич ставит проблему *цели и смысла субъективного права* – для

чего оно? Конечно, основное содержание и социальная ценность субъективного права заключены в свободе собственных действий или бездействия. Свобода собственных действий включает прежде всего юридически признанную возможность пользования различными социальными благами и ценностями. Однако, полагает Л. С. Явич, было бы неправильно эту возможность понимать чисто *утилитарно*, только как возможность потребления материальных и духовных благ. «Такой подход... проецирует право частного собственника на любое субъективное право... делает частный эгоистический интерес становым хребтом субъективного права, в конце концов исключает субъективное право из сферы публичного права». Такая абсолютизация свободы воли собственника и его эгоистического интереса свойственна, подчеркивает он, только буржуазному пониманию субъективного права (Yavich 1976: 179–180); это буржуазный тезис, отвергающий возможность свободной личности *вне господства принципа частной собственности и индивидуализма* (Yavich 1976: 182).

Конечно, это рассуждение можно было бы рассмотреть как вынужденную дань марксистской идеологии. Примечательно, однако, что Л. И. Петражицкий, будучи свободным от подобных идеологических стеснений, также критически относился к пониманию субъективного права как защищенного объективным правом интереса, – пониманию, согласно которому «смысл и значение прав состоит в доставлении выгод, в удовлетворении потребностей, интересов тех, кому они принадлежат» (Petrażycki 2000: 299). Полагая, что такое утилитарное понимание не соответствует природе субъективного права, Л. И. Петражицкий замечает:

Для понимания социального смысла тех или иных прав, например, прав собственности, долговых, наследственных прав следует иметь в виду не карманы тех или иных собственников, кредиторов, наследников, а народное хозяйство и народную культуру. (Petrażycki 2000: 300)

Рассматривая соотношение субъективного права и личного интереса, Л. С. Явич также подчеркивал, что этот интерес часто не является в строгом смысле слова личным, собственным. Использование предоставленной юридической возможности в собственном интересе не означает использования к личной выгоде, во всяком случае не всегда означает действительно собственный интерес. «Заинтересованность управомоченного может диктоваться интересами другого лица или общественными интересами» (Yavich 1976: 187). Индивидуалистическая трактовка субъективного права, отождествляющая его с частным правом собственника, усматривающая стимул деятельности индивида только в личном эгоистическом интересе, по мнению Л. С. Явича, оказывается не способной предложить удовлетворительную юридическую трактовку публичных прав – прав человека (Yavich 1976: 181).

Социальный идеал, декларируемый Л. С. Явичем, конечно, был идеологически запрограммирован. «Высшая фаза коммунизма, – писал ученый, – принесет людям новые возможности и права, устранив последние остатки неравенства и несправедливости. Главным критерием общественного прогресса безоговорочно станет всестороннее развитие личности, ее подлинно человеческие права не будут нуждаться в охране со стороны государства, отомрут отношения политического

господства и подчинения, *юридическая форма завершит свою историческую миссию* (курсив наш. – *Авт.*)» (Yavich 1976: 170). Однако этот коммунистический социальный идеал, в котором эквивалентность обмена, предполагаемая справедливостью, будет выражаться в том, что люди, по словам К. Маркса, смогут «любовь обменивать только на любовь, доверие только на доверие и т. д.» (цит. по: Grinberg 1977: 159), отнюдь не был разрывом традиции, скорее, напротив, демонстрировал преемственность идей и в этом отношении.

Социальный идеал Л. И. Петражицкого – «сверхправовой» идеал разумной деятельной любви (Petrażycki 2010a: 591) – также предполагал постепенное упразднение права как инструмента мотивационного и педагогического давления на психику человека. В движении к этому идеалу индикатором совершающегося в истории этического прогресса является постепенное расширение сферы действия интуитивного права, т. е. правового регулирования «по справедливости». Петражицкий формулирует «закон развития права», в соответствии с которым «по мере облагораживания и социализации человеческой психики... сфера, предоставляемая позитивным правом действию интуитивного права, должна с течением времени все более увеличиваться» (Petrażycki 2000: 391–392). При этом общая тенденция этического прогресса раскрывалась в частном праве как тенденция к замещению эгоистических и корыстных мотивов хозяйственной деятельности так называемой им «социально-служебной», альтруистической мотивацией, которая в перспективе приведет к установлению социалистического «правового строя». Соответственно социалистическое право рассматривалось ученым как необходимый этап в социокультурной эволюции права, так как его мотивационное действие направлено на атрофию эгоистических элементов социального характера (склонности к наживе, жадности), выработанных предыдущим, капиталистическим, правом, и, таким образом, способствует достижению конечной цели права – господству альтруистической мотивации (Petrażycki 2000: 558–559).

Заключение

Социализм не рассматривается Явичем как историческая ошибка, требующая некоего коллективного покаяния и соответственно отречения от этого исторического «греха», как будто возможно, по замечанию П. Проди, «вынести на уголовный форум историческую вину целого общества или цивилизации или, наоборот, трансформировать “Историю” в уголовный суд» (Prodi 2017: 506). Сознание правильности исторического пути – «от несвободы и бесправия к свободе и праву» (Yavich 2000: 7) – не покидает Л. С. Явича и в его последних статьях, написанных уже в постсоветское время. Он убежден в том, что «все беды новой России» имеют в своей основе произошедшую в 1990-е годы волюнтаристскую переориентацию социально-экономического курса на «реставрацию капитализма» и оценивает это как «движение вверх по лестнице, ведущей вниз» (Yavich 2000: 9; Yavich 1998: 96–97), в то время как в европейских странах, полагает он, идет «явный процесс конвергенции позитивных черт капитализма с социалистическими идеалами общественной собственности» (2000: 96). «В индустриально мощной стране с превосходным научным, техническим

и культурным потенциалом, – заключает Л. С. Явич, – демократизация политической системы и государства, экономические и правовые реформы... объективно не требовали возврата к буржуазному обществу прежних времен» (Yavich 1998: 97).

Этот вывод разделял и автор либертарной теории права В. С. Нерсисянц, также отказываясь видеть в социализме «историческую ошибку» и считая тупиком истории возврат общества, имевшего опыт строительства социализма, к капитализму. Как и главный герой его научных работ – Г. Гегель, В. С. Нерсисянц не считает возможным смотреть на историю «с точки камердинера» (Hegel 1993: 83–84) и видеть в социализме «ошибку», удачный «заговор», произвол, людское легковерие, заблуждение и т. п. Ученый воспринимает современную ему социально-политическую ситуацию как ситуацию выбора исторического пути:

Невозможно... перечеркнуть смысл этого наиболее напряженного и тяжелого участка в истории человечества. Здесь пульсирует нерв всемирной истории, сюда привела историческая борьба за прогресс свободы и равенства, здесь корректируется вектор исторического движения, здесь определяются контуры будущего. Или – вперед, к чему-то действительно новому, социализмом уже подготовленному, или – назад, к капитализму. Третьего... не дано. (Nersesyants 2001: 3–6)

Отрицание социалистического прошлого означает для него «историческую дисквалификацию России – и на прошлое, и на все оставшееся будущее», потому что, по его убеждению, социализм в истории России – «тот звездный случай, когда национальная история напрямую делает дело всемирной истории» (Nersesyants 2001: 44). В. С. Нерсисянц видит предназначение социализма в создании условий для перехода к цивилизму – общественному строю, который воплощает большую меру свободы людей и выражает более высокую степень в историческом прогрессе свободы в человеческих отношениях.

Стремление осмыслить позитивное значение социализма во всемирно-исторической эволюции права объединяет – «поверх барьеров» – столь методологически различные подходы к пониманию сущности права, которые были предложены в XX в. Л. И. Петражицким, Л. С. Явичем и В. С. Нерсисянцем. При этом для Л. И. Петражицкого и Л. С. Явича, представляющих петербургскую–ленинградскую школу, социализм как идея оказывается вполне совместимым с идеями верховенства права и правового государства. Л. С. Явич задается вопросом: «Не является ли для России очередной утопией надежда на установление правовой государственности в ближайшие годы, по крайней мере к XXI в.?». В 1990 г. он отвечает на этот вопрос отрицательно: «Примат права над политикой силы и произволом власти (внутри страны и вовне), господство права – не утопия» (Yavich 1990: 20), а «одна из существенных предпосылок не только дальнейшего развития, но и самого выживания человечества» (Yavich 1990: 14). Установление в постсоветской России господства права он оценивает как имеющее «судьбоносное значение» (Yavich 1990: 20).

Вместе с тем отношение к социализму – как идее и реальности недавнего прошлого – оказывается тем «барьером», который отделяет современных

представителей школы от их предшественников. Идея возможной совместимости идеала правового государства с той или иной общественно-экономической формацией не находится сейчас в фокусе внимания. Отстаиваемая в коммуникативной теории А. В. Полякова идея верховенства права, понимаемого как верховенство прав человека, проблематизируется уже в совершенно ином социально-политическом контексте – прежде всего в связи с процессами глобализации, вследствие которых «право уже не может пониматься как исключительно внутригосударственное явление» (Polyakov 2013: 21), нарастающей конфликтностью универсальных и социокультурных правовых ценностей, а также и в связи с постсоветским опытом реализации идеи правового государства. Однако в теоретическом обосновании идеи верховенства права мы находим узнаваемые идеи – прежде всего антиэтатизм, позволяющий утверждать, что «реальность прав человека... не зависит... от государства», а потому и «не происходит “автоматического” уничтожения прав человека по воле государства» (Polyakov 2013: 24), объяснение связанности поведения человека и подчинения его определенным правилам с помощью заложенного в праве «механизма», отражающего идею права и представляющего собой «коммуникативную корреляцию субъективного права и правовой обязанности» (Polyakov 2013: 25–26). По мнению современного итальянского представителя «строгого петражицкианства» Э. Фиттипальди, даже этих двух обстоятельств – признание императивно-атрибутивного характера права со всеми вытекающими из него логическими следствиями (например, в виде социально-организующей и распределяющей функций права) и неприятие любой этатистской концептуализации права, – достаточно, чтобы «признать общность языка и традиции» петербургской школы философии права (Fittipaldi 2016a: 8). Частью этой традиции является правовое учение Л. С. Явича.

Библиография:

- Alekseev, Sergey. (1981). *Obshchaya teoriya prava*. V 2-h t. T. 1. (from Rus.: General Theory of Law. V. 1). Moscow: Yuridicheskaya Literatura.
- Alekseev, Sergey, Matuzov, Nikolai & Farber, Isaak. (1977). L.S. Yavich. *Obshchaya teoriya prava*. Izd-vo Leningr. Un-ta, 1976, 286 s. (from Rus.: L.S. Yavich. General Theory of Law. Publishing house of Leningrad University, 1976, 286 p.) (Review). *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Pravovedenie* (from Rus.: Proceedings of Higher Educational Institutions. Jurisprudence) 4: 117–119.
- Antonov, Mikhail. (2021). *Formalism, Decisionism and Conservatism in Russian Law*. Leiden: Brill.
- Antonov, Mikhail. (2016) Russian Legal Philosophy in the 20th Century. In *A Treatise of legal philosophy and general jurisprudence*, E. Pattaro (ed.). Vol. 12: Legal Philosophy in the twentieth century: The Civil law world, E. Pattaro & C. Roversi (eds.). T. 1: Language Areas. Springer Netherlands: 587–612.
- Antonov, Mikhail, Polyakov, Andrey & Chestnov, Ilya. (2014). Communicative Approach and Legal Theory. *Rechtstheorie* 15: 1–18.
- Chetvernin, Vladimir (2003). *Vvedeniye v kurs obshhej teorii prava I gosudarstva. Uchebnoye posobiye* (from Rus.: Introduction to the Course of General Theory of Law and State. Textbook). Moscow: Institut gosudarstva I prava RAN (from Rus.: Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences).
- Ekimov, Anisim. (1980). *Spravedlivost' I sotsialisticheskoye pravo* (from Rus.: Justice and Socialist Law). Leningrad: Publishing House of Leningrad University.
- Fittipaldi, Edoardo. (2016a). V zaschitu strogogo petrazhickianstva (from Rus.: A Defense of “Strict Petrażyckianism”). *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Pravovedenie* (from Rus.: Proceedings of Higher Educational Institutions. Jurisprudence) 6: 6–73.
- Fittipaldi, Edoardo. (2016b). Leon Petrażycki's Theory of Law. In *Treatise of legal philosophy and general jurisprudence*, E. Pattaro (ed.). Vol. 12: Legal Philosophy in the twentieth century: The Civil law world, E. Pattaro & C. Roversi (eds.). T. 2: Main orientations and topics. Springer Netherlands, 443–504.
- Grinberg, Leonid & Novikov, Avraam. (1977). *Kritika sovremennykh burzhuaznykh kontseptsiy spravedlivosti* (from Rus.: Critique of Contemporary Bourgeois Concepts of Justice). Leningrad: Nauka.
- Hegel, Georg. ((1840) 1993). *Lektsii po filosofii istorii* (from Rus.: Lectures on the Philosophy of History) / transl. by A.M. Voden. Sankt-Petersburg: Nauka.
- Konceptsiya prava L.S. Yavicha I sovremennoye sostoyaniye teorii prava (materialy Kruglogo stola, posvyashhennogo 90-letiyu so dnya rozhdeniya L.S. Yavicha, 14 noyabrya 2009 g., SpbGU). (2009). (from Rus.: L.S. Yavich's Legal Conception and the Current State of Legal Theory (proceedings of the Roundtable dedicated to the 90th anniversary of L.S. Yavich, 14 November 2009, St. Petersburg State University)). *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Pravovedenie* (from Rus.: Proceedings of Higher Educational Institutions. Jurisprudence) 6: 6–72.
- Mal'tsev, Georgy. (1977). *Sotsial'naya spravedlivost' i pravo* (from Rus.: Social Justice and Law). Moscow: Mysl'.
- Nersesyants, Vladik. (2005). *Filosofiya prava. Uchebnik dlya vuzov* (from Rus.: Philosophy of Law: Textbook for Universities). Moscow: Norma.
- Nersesyants, Vladik. (2001). *Natsional'naya ideya Rossii vo vseмирno-istoricheskom progresse ravenstva, svobody I spravedlivosti. Manifest o tsvilizme* (from Rus.: The National Idea of Russia in the World-Historical Progress of Equality, Freedom and Justice. Manifesto on Civilism). Moscow: Norma.
- Nersesyants, Vladik. (1983). Pravo: mnogoobraziye opredeleniy I edinstvo ponyatiya (from Rus.: Law: Diversity of Definitions and the Concept's Unity). *Sovetskoye gosudarstvo i pravo* (from Rus.: Soviet State and Law) 10: 18–29.

- Petrażycki, Leon. (2010a). K voprosu o sotsial'nom ideale I vrozozhdenii estestvennogo prava (from Rus.: To a question on the social ideal and the revival of natural law). In *Petrażycki L.I. Teoriya I politika prava: izbr. Tr.* (from Rus.: Theory and policy of law: selected works), Elena Timoshina (red.). Sankt-Peterburg: Yuridicheskaya kniga, 561–598.
- Petrażycki, Leon. (2010b). Ocherki filosofii prava (from Rus.: Sketches of philosophy of law). In *Petrażycki L.I. Teoriya I politika prava: izbr. Tr.* (from Rus.: Theory and policy of law: selected works), Elena Timoshina (red.). Sankt-Peterburg: Yuridicheskay kniga, 245–379.
- Petrażycki, Leon. (2000). *Teoriya prava I gosudarstva v svyazi s teoriyey npravstvennosti* (from Rus.: Theory of Law and the State in Connection with the Theory of Morals). Saint Petersburg: Lan'.
- Polyakov, Andrey. (2013). Verhovenstvo prava, globalizatsiya i problemy modernisatsii filosofii I teorii prava (from Rus.: Rule of Law, Globalization and the Problems of Modernization of Philosophy and Theory of Law). *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Pravovedenie.* (from Rus.: Proceedings of Higher Educational Institutions. Jurisprudence) 4: 18–30.
- Polyakov, Andrey. (2018a). The St. Petersburg School of Legal Philosophy and Russian Legal Thought. In *Russian Legal Realism*, B. Brožek, J. Stanek & J. Stelmach (eds.). Springer, 1–36.
- Polyakov, Andrey. (2018b). The Theory of State and Law by Nikolay Korkunov. In *Russian Legal Realism*, B. Brožek, J. Stanek & J. Stelmach (eds.). Springer, 67–78.
- Polyakov, Andrey. (2003). *Obshchaya teoriya prava. Fenomenologo-kommunikativnyy podkhod* (from Rus.: General Theory of Law. Phenomenological and Communicative Approach). 2nd ed. Sankt-Peterburg: Yuridicheskii Center Press.
- Polyakov, Andrey. (2020). Kommunikativnyy smysl deystvitel'nosti prava, ego priznaniya I idei spravedlivosti (from Rus.: The communicative meaning of the reality of law, its recognition and the idea of justice). In: *Pravovaya kommunikatsiya gosudarstva I obshchestva: otechestvennyy I zarubezhnyy opyt. Sbornik trudov mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (Voronezh, 11–12 Sentyabrya 2020)* (from Rus.: Legal communication of state and society: national and foreign experience: Collection of works of international scientific conference (Voronezh, 11–12 September 2020), M. A. Belyaev & V. V. Denisenko (red.). Voronezh: Nauka-Yunipress, 9–18.
- Prodi, Paolo. (2017). *Istoriya spravedlivosti: ot plyuralizma forumov k sovremennomu dualizmu sovesti I prava* (from Rus.: History of justice: from the pluralism of forums to the modern dualism of conscience and law). Moscow: Gaidar Institute Press.
- Stuchka, Pyotr. (1934). Chto takoye pravo? (from Rus.: What is law?). In Stuchka P.I. *Revolyutsionnaya rol' sovetского prava.* (from Rus.: The Revolutionary Role of Soviet Law). Moskva: Sovetskoe zakonodatel'stvo, 16–22.
- Timoshina, Elena. (2018). The Logical and Methodological Foundations of the Theory of Law of Leon Petrażycki in the Context of the Analytical-Phenomenological Tradition. In *Russian Legal Realism*, B. Brožek, J. Stanek & J. Stelmach (eds.). Springer: 111–126.
- Timoshina, Elena. (2016). Max Lazerson's Psychological Theory of Law. In *A Treatise of legal philosophy and general jurisprudence*, E. Pattaro (ed.). Vol. 12: Legal Philosophy in the twentieth century: The Civil law world, E. Pattaro & C. Roversi (eds.). T. 2: Main orientations and topics. Springer Netherlands, 527–542.
- Timoshina, Elena. (2013). Teoriya I sociologiya prava L. I. Petrazhickogo v kontekste klassicheskogo I postklassicheskogo pravoponimaniya (from Rus.: Leon Petrażycki's theory and sociology of law in the context of classical and postclassical legal conceptions). Habilitation dissertation. Moskva: Institut Gosudarstva I prava Rossiyskoy Akademii Nauk.
- Vyshinsky, Andrey. (1922). *Voprosy raspredeleniya I revolyutsiya* (from Rus.: Problem of Distribution and Revolution). Moskva: Novaya Moskva.

- Yavich, Lev. (1998). K 180-letiyu Karla Marksa: o tvorcheskom nasledii (from Rus.: To the 180th Anniversary of Karl Marx: About his creative legacy). *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Pravovedenie*. (from Rus.: Proceedings of Higher Educational Institutions. Jurisprudence) 4: 95–103.
- Yavich, Lev. (2000). O filosofii prava na XXI vek (from Rus.: About philosophy of law for XXI century). *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Pravovedenie*. (from Rus.: Proceedings of Higher Educational Institutions. Jurisprudence) 4: 4–33.
- Yavich, Lev. (1990). Gospodstvo prava (K koncepcii pravovogo gosudarstva v SSSR (from Rus.: Domination of Law (To the Rule of Law State Conception in USSR)). *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Pravovedenie*. (from Rus.: Proceedings of Higher Educational Institutions. Jurisprudence) 5: 11–20.
- Yavich, Lev. (1988). O sootnoshenii prava, gosudarstva, razvitiya i realizacii idei pravovogo socialisticheskogo gosudarstva (from Rus.: On the Interrelation of Law and State, Development and Implementation of the Notion of Socialist Rule of Law State. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Pravovedenie*. (from Rus.: Proceedings of Higher Educational Institutions. Jurisprudence) 6: 18–28.
- Yavich, Lev. (1976). *Obshchaya teoriya prava* (from Rus.: General Theory of Law). Leningrad: Izdatel'skiy dom Leningradskogo universiteta.
- Yavich, Lev. (1987). Perestroika i pravo (aktualnye obshcheteoreticheskiye voprosy) (from Rus.: Perestroika and Law (Current General Theoretical Issues)). *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Pravovedenie*. (from Rus.: Proceedings of Higher Educational Institutions. Jurisprudence) 5: 37–43.
- Yavich, Lev. (1975). Svobody i prava cheloveka v mekhanizme pravovogo regulirovaniya (from Rus.: Human Freedoms and Rights in the Machinery of Legal Regulation). *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Pravovedenie*. (from Rus.: Proceedings of Higher Educational Institutions. Jurisprudence) 3: 133–134.
- Yavich, Lev. (1985). *Sushchnost' prava* (from Rus.: Essence of Law). Leningrad: Izdatel'skiy dom Leningradskogo universiteta.
- Yavich, Lev. (1990). *Sotsializm: pravo i obshchestvennyi progress* (from Rus.: Socialism: Law and Social Progress). Moskva: Yuridicheskaya Literatura.